

КАК ФОРМИРОВАЛАСЬ ДРЕВНЕРУССКАЯ ОРФОГРАФИЯ:
СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ КНИГОПИСАНИЯ
КОНЦА XI ВЕКА

В древнейших рукописных книгах Руси XI в. мы находим многочисленные реликты их старославянских протографов — этимологически правильное употребление букв носовых, мены букв редуцированных, ограниченное число йотированных букв и другие. Примерами памятников, последовательно копировавших старославянские образцы, являются Остромирово Евангелие 1056—57 г. (списано с кириллического старославянского протографа) и Изборник 1073 г. (списан с глаголического старославянского протографа). А такие памятники, как Чудовская Псалтирь, Житие Кондрата, Пандекты Антиоха, Синайский Патерик, хотя и имеют последовательные древнерусские коррекции отдельных звеньев старославянской орфографии: ѡ, ѡѡ > ю, ѡ > ѡѡ, но их графико-орфографические системы по многим другим признакам обнаруживают прямое родство со своими старославянскими оригиналами¹.

К середине XI в. на Руси складывается необходимость создания графико-орфографической системы, максимально близкой древнерусской языковой системе. Это было обусловлено тремя культурно-филологическими задачами, стоявшими перед книжниками Древней Руси II половины XI в. Во-первых, настоящей задачей эпохи являлось исправление древнерусских списков старославянских богослужебных книг, «упрощение» их правописания с тем, чтобы священники и причт как можно быстрее и легче могли осваивать их в чтении. Во-вторых, в связи с прекращением деятельности болгарских книгописных центров к I трети XI в. возникла нужда в древнерусских переводах с греческого, а иногда и с латинского языков — служб, уставов, житий, хронографов². Наконец, в середине XI в., в эпоху появления древнерусской оригинальной литературы, записывается «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона, развивается древнерусское летописание в Новгороде и Киеве, создаются древнерусские службы и жития первых русских святых Бориса и Глеба³. Эти памятники также записывались без опоры на старославянский протограф.

О формировании собственно древнерусской графико-орфографической системы свидетельствуют рукописные книги конца XI в., которые не обладают явными графико-орфографическими признаками, возводящими их к определенному типу старославянских протографов. В числе таких рукописей — Архангельское Евангелие 1092 г., Служебные Минеи 1095—1097 г., Синайско-Бычковская Псалтирь, Софийская Служебная Минея конца XI — нач. XII в., они близки между собой по целому ряду признаков, наиболее ярко выраженных в Архангельском Евангелии 1092 г. В Архангельском Евангелии все параметры книги — технологические, художественные, текстологические, графико-орфографические — характеризуют этот памятник как образец «обиходного» книгописания Древней Руси, т. е. как продукцию книгописной мастерской по массовому изготовлению богослужебных книг. Для таких мастерских были характерны: 1) упрощенные технологии изготовления кодексов, а также экономичный расход пергамента; 2) скромность художественного оформления рукописи; 3) сформированный тип древнерусского уставного письма — быстрого, легко читаемого, без опоры на палеографические модели образцов. При этом графико-орфографические системы таких книг не зависят от старославянского протографа.

¹ Миронова Т. Л. Хронология старославянских и древнерусских рукописных книг X—XI в. М., 2001.

² Соболевский А. И. Особенности русских переводов домонгольского периода. Спб., 1897.

³ Бугославский С. А. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора // ИОРЯС. 1914. Т. XIX. Кн. 1, 3.

Итак, Архангельское Евангелие — пример книги массового производства. Упрощенность и экономичность в изготовлении Архангельского Евангелия обнаруживается в том, что формат листов кодекса не одинаков, хотя листы за весь период бытования книги ни разу не были обрезаны, их размер колеблется от 20 x 16 до 20,5 x 16,8 см. Пергамен грубый, многие листы имеют природные дефекты, изготовлены из краев телячьей кожи.

Художественный облик Архангельского Евангелия — киноварная п-образная заставка, заголовки, выполненные киноварным контуром, и инициалы самых разнообразных вариаций орнамента повторяются во многих рукописях исследуемой группы. В переписанных несколько лет спустя, в 1095—1097 г., новгородских Служебных Минеях отмечена та же особенность, что и в Архангельском: свобода художественных решений при использовании скромного арсенала изобразительных средств. Служебные Миней 1095—1097 г. близки Архангельскому Евангелию и в формате: ср. Служебная Миней 1095 г. — 19,2—21,4 x 16,5—17,5 см; Служебная Миней 1096 г. — 18,5—20,5 x 16,7—17,1 см; Служебная Миней 1097 г. — 21—21,7 x 16,7—18,8 см. Сходство с Архангельским Евангелием и Служебными Минеями 1095—97 г. имеют также украшения Синайско-Бычковской Псалтири. Ее формат — 18,3 x 14,5 см. Этот памятник содержит киноварные заставки из простых переплетенных стеблей, заголовки, выполненные киноварным контуром, и инициалы типа Архангельского Евангелия с отдельными «вкраплениями» тератологического орнамента. Софийская Миней № 188 еще более аскетична в украшениях, имеет простые чернильные заголовки, геометрической формы инициалы (с редкими тератологическими орнаментами), инициалы выполнены чернилами и киноварью. Формат этой рукописи несколько больше, чем формат Архангельского Евангелия — 24,5 x 21,5 см.

Палеографическое своеобразие группы рукописей типа Архангельского Евангелия составляют: а) особая стилистика почерков — мелких, круглых, легко читаемых, где буквам «просторно» в строке; б) высокая вариативность начерков в одном и том же почерке, указывающая на то, что писец не столько ориентировался на протограф в копировании букв, сколько пользовался собственными навыками, в) этой группе рукописей почти не свойственно лигатурное письмо.

Все перечисленные здесь признаки позволяют поместить эту группу рукописей в хронологический ряд вслед за рукописями типа Остромирова Евангелия и Изборника Святослава 1073 г., для орфографии которых реконструированы старославянские протографы⁴, и датировать их последней четвертью XI в. Основанием для хронологической локализации являются и точные даты Архангельского Евангелия — 1092 г. и новгородских Миней — 1095, 1096, 1097 г., и палеографическое «тяготение» к этим датированным спискам остальных — недатированных кодексов.

У Архангельского Евангелия обнаруживается важная текстологическая особенность: его текст состоит из частей, которые основаны на различных по происхождению протографах. «Состыковки» разных протографов обычно возникали при создании сборников, примером чему служит Изборник 1076 г., в котором соединены протографы, содержащие отдельные сочинения и созданные в различных графико-орфографических системах. *То есть принадлежность частей книги разным протографам в сборниках была обусловлена задачей создания (составления) нового текста.* Но соединение текстологически разнородных оригиналов в Архангельском Евангелии обусловлено совсем иными причинами. Книгописные мастерские массового производства обиходных книг были предназначены для быстрого изготовления текстов параллельно большим числом писцов, при этом мастера должны были пользоваться текстом-образцом одновременно, так возникала необходимость употребления для одной книги разных в текстологическом отношении оригиналов. *То есть принадлежность частей книги к разным протографам здесь была обусловлена задачей изготовления как можно большего числа новых книг.*

⁴ Миронова Т. Л. Хронология старославянских и древнерусских рукописных книг X—XI в.

Факт использования при создании Архангельского Евангелия двух протографов установлен М. А. Соколовой⁵. Позднее Л. П. Жуковская доказала, что протографы у первого и второго писцов Архангельского Евангелия принадлежат к текстологически разным типам евангельских кодексов — краткому (1-й писец) и полному (2-й писец) апракосам⁶. Однако основанное на этом объяснение ярких графико-орфографических различий у двух писцов рукописи влиянием их старославянских оригиналов, предложенное этими авторами, представляется нам совершенно неприемлемым.

Наши исследования показали, что две графико-орфографические системы Архангельского Евангелия не только не копируют разные старославянские оригиналы, но каждый из писцов этой книги работает в индивидуальной, то есть свойственной только ему графико-орфографической системе.

Представим графико-орфографические системы текстов, написанных 1-м и 2-м писцами Архангельского Евангелия, в сравнении. Состав графико-орфографических признаков, имеющих датирующее значение при выявлении у древнерусской книги старославянского протографа, выработан и обоснован нами в работе «Хронология старославянских и древнерусских рукописных книг X—XI в.».

1) Оба писца рукописи последовательно употребляют две буквы редуцированных в соответствии со звуко-буквенным соотношением **ѣ**=[ъ], **ь**=[ь]: **пѣршѣдѣшииѣмѣ** (Л. 12 об.), **ѣвѣидѣтъ** (Л. 6), **дѣлѣѣнѣ** (Л. 39 об.—40), **дѣвѣри** . (Л. 71), **рѣкѣшю** (Л. 78 об.), **ѣвѣскрѣснѣтъ** (Л. 83), **пѣтѣкнѣтъсѣ** (Л. 84 об.), **оуѣзѣ** (Л. 84 об.), **ѣѣѣѣѣѣ** (Л. 88. об.), **крѣѣѣ** (Л. 107), **сѣѣ ѣрѣѣѣ** (Л. 107). Но если 1-й писец в 60 % случаев опускает букву редуцированного в слабой позиции в корне слова, то 2-й писец пропускает редуцированные в 95 % случаев в данной позиции, т. е. он придерживается особого орфографического правила: *буквы слабых редуцированных в этом тексте употребляются везде, кроме корневыхъ морфем*. При употреблении сочетаний редуцированного с плавным оба писца используют только древнерусскую модель *tǫrt* - **оуѣѣѣѣѣѣ** (Л. 146 об.), **исѣѣѣѣѣѣ сѣ** (Л. 132 об.), **отѣѣѣѣѣѣѣѣ сѣ** (Л. 95).

2) Тексты 1-го и 2-го писцов принципиально различаются в употреблении букв носовых гласных несмотря на обоюдную независимость этих написаний от старославянского оригинала. У 1-го писца функционируют две буквы носовых **ѣ** и **ѣ**, причем **ѣ** изредка употребляется как в этимологических, так и гиперкорректных написаниях (всего 45 случаев), но в подавляющем большинстве примеров эта буква замещена графемами **оуѣ/ю**. Буква носового **ѣ** также участвует и в этимологических, и в гиперкорректных написаниях после букв согласных звуков. Во всех примерах с этимологическим [jê] произведена замена буквы **ѣ** графемой **ѣ**. Текст 2-го писца представляет иную графико-орфографическую систему. Здесь используется лишь одна буква носового **ѣ**. В этой системе **ѣ** используется в начале слова, после букв гласных и букв согласных **н**, **л**, иногда **ш**; **ѣ** употребляется после букв всех других согласных; **ѣ** функционирует после букв шипящих согласных и **ц**. Несмотря на внешнюю громоздкость формулировки, эта орфографическая закономерность очень логична и элементарна в воплощении: в ней осуществлен своего рода переворот в древнерусской орфографии — *переход от стихийной коррекции написаний букв носовых к дистрибутивному употреблению графемы ѣ при устранении из системы других букв носовых*.

3) В тексте обоих писцов Архангельского Евангелия не имеется ни одного случая использования графемы **ѣ** в значении [ja], что также показывает отчуждение этих текстов от их старославянских протографов.

4) Употребление букв **ѣ** и **ѣ** имеет существенные различия у 1-го и 2-го писцов. 1-й писец после букв согласных стремится ставить **ѣ**, но в начале слова и после букв гласных звуков он употребляет **ѣ** и **ѣ** довольно беспорядочно: **ѣоудѣтѣ** (Л. 12 об.), **ѣѣѣѣѣѣ** (Л. 62), **ѣѣѣѣѣѣ сѣ** (Л. 37), **ѣѣѣѣѣѣѣѣ** (Л. 3), **ѣѣѣѣѣѣѣѣ** (Л. 20), **ѣѣѣѣѣѣѣѣ** (Л. 72 об.), **ѣѣѣѣѣѣѣѣ** (Л. 40), **ѣѣѣѣѣѣѣѣ**

⁵ Соколова М. А. К истории русского языка в XII веке // Известия по русскому языку и словесности. Л., 1930. Т. III. Кн. 1.

⁶ Жуковская Л. П. Новые данные об оригиналах русской рукописи 1092 г. // Источниковедение и история русского языка. М., 1964. С. 85.

(Л. 32), **КГДА** (Л. 18), **ѐДИНЪ** (Л. 28 об.), **ѡДИНЪ** (Л. 39 об.). Следует отметить при этом численное преобладание написаний **ѡ**=[je], так, корень **ѡДИН** у 1-го писца используется 68 раз в написании с **ѡ** и 1 раз в написании с **ѐ**. Наречие **КГДА** 1-й писец пишет 40 раз с **ѡ** и лишь 3 раза с **ѐ**. 2-й писец реализует другую орфографическую тенденцию: **ѡ**=[e] после букв согласных **Л, Н** — **ОСЛАБЛѢНЪ** (Л. 79), **ПОНѢЖѐ** (Л. 85), **ПОМЪШЛѢНІЯ** (Л. 157), **БЪСѢЛѢНОУЮ** (Л. 143); **ѡ**=[je] в начале слова и после букв гласных — **ПОСЛОУШАѢТЬ** (Л. 104), **ПРИЛІБАѢЛА** (Л. 94 об.), **МОѢГО** (Л. 69). **ѐ**=[e] после букв всех других согласных — **ПѐУАЛЬ** (Л. 9), **АНДРЕѢБА** (Л. 77 об.), **БѢЛИИ** (Л. 154 об.).

5) Важной особенностью графико-орфографических систем текстов двух писцов Архангельского Евангелия является отсутствие фонетически значимых надстрочных знаков (за исключением «гачека»). У 1-го писца надстрочных знаков нет совсем. У 2-го писца два вида надстрочных знаков: двоеточие над **ѡ** и разреженное двоеточие над сочетаниями нескольких разных букв: над **СЛА** в слове **ПОСЛАБЪИИ** (Л. 88 об.), над **НЪ** в слове **ШНЪ** (Л. 77 об.). Можно предположить, что это реликты прежнего обозначения пропущенных букв редуцированных, но их «случайная» расстановка свидетельствует о полной утрате писцом рукописи понимания значения такой диакритики. Что же касается «гачека», то этот знак в тексте 1-го писца не используется, у 2-го писца «гачек» — это средство обозначения мягкости исконно мягких согласных **Л, Н**.

6) Графико-орфографические системы 1-го и 2-го писцов Архангельского Евангелия различаются также несколькими особыми орфографическими признаками.

а) В словах с неполногласием в тексте 2-го писца вместо буквы **Ѣ** регулярно пишется буква **ѐ**:

Лексика	1-й писец	2-й писец
БРЪЛА	14	-
БРѐЛА	-	30
ДРЪБО	3	-
ДРѐБО	1	4
БРЪДИТЬ	1	-
БРѐДИТЬ	-	1
ПРЪЖѐ	9	-
ПРѐЖѐ	-	6
ПРЪ	54	-
ПРѐ	1	65
Итого - <i>trЪ</i>	81	-
Итого - <i>tre</i>	2	106

б) В тексте 2-го писца, в отличие от части, написанной 1-м писцом, не употребляется **Ѣ**, в большей части заимствованных слов здесь обнаруживаем **ѐ**:

Лексика	1-й писец	2-й писец
АРХИѐРЪИ	4	-
АРХИѢРѐИ	1	47
КЪСАРЬ	2	-
КѐСАРЬ	-	5
ФАРИСЪИ	26	-
ФАРИСѐИ	-	11
МАТФЪА	2	-
МАТФѐА	-	10
НЮДЪИ	16	-
НОУДѐИ	-	9
Итого - <i>Ѣ</i>	41	-
Итого - <i>ѐ</i>	1	82

в) Написания корневой морфемы в формах глагола **ѢСТИ/КСТИ/ИСТИ** в тексте 2-го писца подверглись орфографической унификации. В то время как в рукописи 1-го писца допускаются разнообразные варианты этой морфемы, в тексте 2-го писца принято только написание **ИСТИ**.

Лексика	1-й писец	2-й писец
ѢСТИ	10	-
КСТИ	20	-
ИСТИ	1	15

г) Различается у 1-го и 2-го писцов орфография местоимений **ТѢБѢ**, **СѢБѢ** (в дат. и местн. падежах): старославянские формы этих местоимений **ТѢБѢ**, **СѢБѢ**, а также варианты их написаний с **Ѣ** вместо **Ѣ** приняты в тексте 1-го писца, древнерусские формы **ТѠБѢ**, **СѠБѢ** преобладают в тексте 2-го писца.

Местоим.	1-й писец	2-й писец
дат. - местн.		
ТѢБѢ	13	-
ТѢБѢ	15	4
ТѠБѢ	1	15
СѢБѢ	15	-
СѢБѢ	9	2
СѠБѢ	3	11

д) В текстах 1-го и 2-го писцов различается орфография имени **ІСЪ**.

Орфография	1-й писец	2-й писец
ІСЪ	145	12
ІС	-	124

Различия в написаниях имени **ІСЪ** в старославянских евангельских кодексах и в древнерусских Евангелиях обычно были текстологически обусловлены. По-видимому, Кирилл и Мефодий воспроизводили в славянских текстах греческие формы этого имени без конечного редуцированного: Им. п. **Ιησοῦς**⁷. В дальнейшем это написание было переосмыслено в соответствии с закономерностями славянского словоизменения, что привело к развитию формы **ИНСУСЪ**, причем **-ОУС-** воспринималось славянами как часть основы, к которой и добавлялись окончания **-Ъ** **-А** **-ЪМЬ**. Это явление, возможно, имело дописменные истоки, и св. Кирилл, поместив в свои первоначальные переводы написание **ІС**, затем в Моравии, познакомившись с явлением славянского «переразложения» основы священного имени, внес исправления в дальнейшие переводы. Вот почему уже в ранних старославянских памятниках в употреблении имени **ІС/ІСЪ** существует разногласие. Так, в Зографском Евангелии, Саввиной книге, Реймском Евангелии употребляется исключительно **ИС**, в Мариинском две формы — **ИСЪ**, **ИС**, в Ассеманиевом — преимущественно **ИСЪ** с редким использованием формы **ИС**. Но Архангельское Евангелие представляет особый случай: здесь употребление форм **ИС** и **ИСЪ** связано с индивидуальными особенностями орфографии писцов.

Мы выявили в Архангельском Евангелии две различные графико-орфографические системы, воплощенные соответственно в текстах 1-го и 2-го писцов этого кодекса, но не связанные с орфографией старославянской. У обоих писцов осуществлены следующие графико-орфографические изменения: проведена последовательная коррекция написаний букв редуцированных в соответствии с древнерусской фонетикой, унифицированы написания редуцированных с плавным, полностью устранены старославянские реликты употребления **Ѣ** в значении [ja]. Различия графико-орфографических систем у 1-го и 2-го писцов касаются прежде всего употребления букв носовых и йотированных, но эти различия также не основаны на старославянских образцах.

⁷ Moszyn'sky L. O staro-cerkiewno-slowianskiej postaci imienia Iesus // Studia linguistica in honorem Th. Lehr-Splawinski. Warszawa, 1963.

Текст 2-го писца отразил и другие системные изменения в орфографии, причем все они в той или иной мере обусловлены все возрастающим влиянием на правописание живого древнерусского произношения. К числу системных преобразований такого рода относятся: 1) пропуск букв редуцированных звуков в слабой позиции в корневых морфемах, устранение **ѣ** из графико-орфографической системы, 3) систематизация употребления букв **к / ѣ**, **л / ѡ**, 4) введение контаминированных написаний неполногласных сочетаний типа **Прѣ**, 5) унификация написаний слов с вариативной орфографией и др.

Указанные графико-орфографические приемы sporadически возникали и в других, более ранних рукописных книгах, так, к примеру, контаминированная орфография типа **Прѣ** известна в Синайском Патерике и Изборнике 1076 г., но подобные графико-орфографические явления, соотношенные с живым языком книжников, в предшествующих рукописях оказывались фрагментом широкого «спектра» орфографических вариантов. В тексте 2-го писца Архангельского Евангелия 1092 г. предпочтения орфографических написаний, связанных с древнерусским произношением книжников, выражены определенно, и их статистика позволяет высказать гипотезу о формировании в конце XI в. *графико-орфографических систем древнерусской книжности, не обусловленных традициями старославянских оригиналов.*

Каковы возможные истоки графико-орфографических систем такого типа? Болгарская исследовательница Т. Славова, проведя подробное лексикологическое исследование второй части Архангельского, обнаружила в нем лишь 35 % лексики, восходящей к Преславской, т. е. болгарской, редакции Евангелия краткий апракос, и пришла к заключению, что «второй писец Архангельского Евангелия по имени Мичка располагал протографом, составленным “из разных источников”»⁸. Особо примечательны такие обнаруженные Славовой лексические особенности, как употребление слов **оутѣшнѡуть**, **изнѣзѣ**, **истѣнь**, неизвестных старославянским памятникам и болгарскому языку в целом, зато распространенных в древнерусских полных апракосах, при этом глагол **изнѣзѣ** отмечен также в русском списке чешского жития Вячеслава⁹. Идея о наличии неболгарских источников Архангельского Евангелия 2-го почерка подтверждается последними исследованиями месяцеслова данного памятника, составляющего большую часть текста 2-го писца. Сравнивая совокупность памятней месяцеслова Архангельского Евангелия с месяцесловами других Евангелий X–XI в. (Саввиной книги, Ассеманиева, Остромирова, Мстиславова Евангелий), О. В. Лосева обнаружила, что Архангельский месяцеслов не имеет сходства ни с одним из них. На известии 850 г. восточная и константинопольская традиции в месяцеслове Архангельского Евангелия прерываются, и далее следует целый ряд памятней, связанных с деятельностью св. Кирилла и Мефодия: обретение Кириллом в 861 г. мощей Климента, папы Римского; преставление в 869 г. прп. Кирилла Философа; преставление в 885 г. Мефодия, архиеп. Моравского. Самая же поздняя по времени память месяцеслова Архангельского Евангелия — память чешского князя Вячеслава, убитого в 935 г. Согласно О. В. Лосевой, вся группа этих памятней Архангельского Евангелия была чешского происхождения, чем обусловлено появление в его месяцеслове памятней, празднуемых здесь по католическому календарю: 24 сентября — ап. Матфей, 27 сентября — Козма и Дамиан, 29 сентября — архистратиг Михаил, 25 января — обращение ап. Павла, которые отражают «положение в Чехии, где очаги славянского богослужения (самый известный из которых — Сазавский монастырь) были окружены латинским миром»¹⁰. Косвенным подтверждением мораво-чешских источников у Архангельского Евангелия является особый текстологический тип «Молитвы Господней»,

⁸ Славова Т. Преславски следи в лексиката на Архангельското евангелие // Език и литература. София, 1984. № 1; Славова Т. Преславска редакция на старобългарския евангелски текст. София, 1985.

⁹ Славова Т. Преславски следи в лексиката на Архангельското евангелие. С. 28–29

¹⁰ Лосева О. В. Месяцеслов Архангельского Евангелия 1092 г. // Архангельскому Евангелию 1092 г. — 900 лет. М., 1995. С. 52.

который не встречается ни в одном из старославянских Евангелий. Исследователь этого текста Львов допускал независимость молитвы из Архангельского от старославянских оригиналов болгарского происхождения¹¹. Итак, в основе мессы Архангельского Евангелия может лежать протограф, попавший на Русь из Чехии, а не из Болгарии или непосредственно из Византии.

Сама возможность книжных вливаний из Чехии подтверждается историческими данными. В конце X в. Чехия непосредственно граничила с Киевской Русью: чешским князьям принадлежал Краков и прилегающие к нему земли¹². Согласно «Повести временных лет» Владимир Святославич жил в мире с чешским князем Ольдржихом, а, по сообщению В. Н. Татищева, дочь Владимира Святого была женой чешского князя Болеслава III¹³. Исторические связи Руси и Чехии прослеживаются и в XI в. Так, в 1034 г. Ярослав Мудрый называет своего сына Вячеславом, что свидетельствует о сложившемся почитании чешского князя-мученика на Руси. Русских же князей-мучеников Бориса и Глеба почитали в Чехии. Согласно записи в хронике Сазавского монастыря, в 1095 г. в Сазавском храме был основан придел в честь св. братьев Бориса и Глеба, куда были вложены частицы их мощей¹⁴.

Напомним, что чехи в числе первых из славянских народов получили из Великой Моравии славянскую литургию¹⁵. Время правления боголюбивого князя Вячеслава (до 935 г.) характеризовалось поддержкой славянского богослужения и книжной деятельности. По-видимому, в этот период истории чешского государства учениками Мефодия, нашедшими здесь приют, осуществляются дальнейшие переводы книг с греческого и латинского языков на славянский. После правления Болеслава I, убийцы кн. Вячеслава, книгописание возобновилось¹⁶. В этот период времени с 967 г. до середины XI в. должен был окончательно сложиться и оформиться культ св. Вячеслава и его бабки Людмилы, принявшей мученическую кончину в 921 г., тогда же могли быть созданы Жития Вячеслава и Людмилы и служба Вячеславу, которая обнаружена в цикле древнерусских Новгородских Миней.

Основным очагом развития книжности в это время в Чехии был Сазавский монастырь, где устойчиво сохранялось славянское богослужение. Основатель этого монастыря св. Прокоп умер в 1055 г., и тогда латинские священники убедили чешского князя Спитигнева, что сазавские монахи через славянское письмо впали в ересь. Монахи, сторонники богослужения на славянском языке, были изгнаны из Чехии, окончательное выдворение последних приверженцев славянского языка среди чешского монашества состоялось в 1091–1097 г. — после смерти князя Вратислава¹⁷.

Действительно, 1055 и 1095–1097 г. — возможные сроки появления на Руси монахов-беженцев из соседней Чехии, принесших с собой славянские книги, которые сохраняли ряд западных особенностей вероучения и вероисповедания. О том, что Сазавский монастырь имел обширную библиотеку таких книг, свидетельствует факт, что в 1097 года, когда славянский язык в Сазаве был запрещен, последний из учеников св. Прокопа настоятель монастыря Божетех и его единомышленники изгнаны, вновь назначенный настоятель Сазавы Детхарт не нашел в монастыре ни одной неславянской книги¹⁸.

¹¹ Львов А. С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966. Родич Н. Съпоставка на «Отче наш» в най-старите сръбски Евангелия и в каноническите текстове // Втори международен конгрес по българистика. Доклади. Кирило-Методиестика симпозиум. София, 1989.

¹² Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь. М., 1964.

¹³ Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. I. С. 373.

¹⁴ Рогов А. И. Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности. М., 1970. С. 14.

¹⁵ Хейл Ф. Великая Моравия и Болгарское государство // Втори международен конгрес по българистика. Доклади кирило-методиестика симпозиум. София, 1989. С. 222.

¹⁶ Неедлы Э. Р. Возникновение Чешского государства // Славянский сборник. М., 1947. С. 116.

¹⁷ Неедлы Э. Р. Возникновение Чешского государства. С. 120.

¹⁸ Рогов А. И. Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности. С. 14.

Реконструкция чешского книжного влияния позволяет, во-первых, объяснить истоки разнообразных «западных» черт в русском христианстве в конце XI—XII в. Так, в 30–50-х г. XII в. выдающийся русский ученый Кирик Новгородец воспроизводит календарные расчеты, повторяющие глаголические «семитысячники» моравского происхождения¹⁹. И в канонической сфере Кирик Новгородец выказывает знакомство с западным покаянным правом, предлагая в 76-м вопрошании в тексте вопросов и ответов Новгородского доместика Антониева монастыря, сохранившемся в Новгородской кормчей XIII в., заменить церковные епитимии заказными литургиями²⁰. Западно-славянским по происхождению признан и «Закон судный людям», также включенный в состав Новгородской Кормчей. Во-вторых, чешское «книжное вливание» во II пол. XI в. объясняет причины появления на Руси таких памятников, как «Беседы папы Григория Двоеслова на Евангелие», сохранившиеся в списке XIII в., которые, как установил А. И. Соболевский, являются переводом с латинского языка и даже в рукописи XIII в. содержат очень древние преимущественно глаголического происхождения реликты орфографии, следы употребления ѣ в значении [ja], архаический аорист²¹. К числу текстов, которые были созданы «в стране, где столкнулись греческое и латинское влияния, где встретились церковнославянский и западославянский языки», А. И. Соболевский причисляет Никодимово Евангелие (русский список XIV в.), являющееся апокрифическим, Житие Мефодия, известное из Успенского Сборника XII—XIII в., Толковый Апокалипсис Андрея Кесарийского (русский список XIV в.).

(продолжение — в следующем номере журнала)

¹⁹ Турилов А. А. О практике и месте создания календарно-математических текстов «Семитысячников» // Естественные представления Древней Руси. М., 1988.

²⁰ Суворов Н. С. Следы западно-католического церковного права в памятниках древнерусского права. Ярославль, 1888. С. 161–163.

²¹ Соболевский А. И. Церковнославянские тексты моравского происхождения // РФВ. Варшава, 1900. № 1–2. С. 159.

